

ON THE HISTORY OF RUSSIAN FUTURIST LITHOGRAPHED BOOKS

The article deals with the essence of the phenomenon of futurist book of the early twentieth century and defines it in terms of creolized texts. More detailed attention is paid to futurists' lithographed books, in particular to the collaborative work of Natalia Goncharova and Aleksei Kruchenykh titled "Two Poems: The Anchorite. The Anchoress".

Keywords: Cubo-Futurists, lithographed book, creolized text.

УДК 8Р2

ГЕРОИ С «РУССКОЙ ДУШОЙ» В РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ» И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Е.А. Кочеткова

*Научный руководитель: Т.В. Садовникова,
кандидат филологических наук, доцент (ЧГПУ)*

Статья посвящена сравнению героев романов Захара Прилепина «Обитель» и Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». Обнаруживая ряд параллелей между текстами, автор останавливается на рассмотрении образов главных героев произведений. Выделяются и исследуются ключевые черты характера персонажей, отражающие русскую ментальность, что и позволяет назвать А.П. Горянчикова и Артема Горяинова героями с «русской душой».

Ключевые слова: сравнение, герой, эпизод, образ, «русская душа».

Популярность романа З. Прилепина «Обитель», выведшего автора в финалисты Большой книги-2014, растет буквально с каждым днем. Отзывы на этот текст противоречивы, но большая часть их о том, насколько правдиво изображен быт лагерников. Проблема нашего исследования пока не затронута критиками, но тематически близкими ей являются статья Дм. Быкова «О новом романе Захара Прилепина» и курсовая работа студента БГПУ М. Голева «У нас власть не советская, у нас власть соловецкая», размещенная на официальном сайте писателя. В обеих работах идет сравнение прилепинского романа с повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», однако акценты исследователи расставляют различные.

Если Д. Быков акцентирует внимание читателей на понятии «создание сверхчеловека» [Быков: электрон. ресурс], то М. Голев останавливается на рассмотрении образа «сломанного человека в условиях бесчеловечных» [Голев: электрон. ресурс]. Первый отмечает сходство главных героев Солженицына и Прилепина, второй же усматривает некий литературный диалог между писателями. На наш взгляд, Захар Прилепин скорее спорит с А.И. Солженицыным, противопоставляя его Ивану Денисовичу своего Артема Горяинова, и в этом споре он выбирает в свои союзники Ф.М. Достоевского с его

«Записками из Мертвого дома».

«Записки из Мертвого дома» – одно из наиболее значительных и своеобразных произведений русской литературы 1860-х годов и одновременно одна из вершин творческого наследия Ф.М. Достоевского. В этом тексте отражены впечатления пережитого и увиденного автором в Сибири, в омском остроге, где он провел четыре года, осужденный по делу петрашевцев. Этот уникальный литературный документ, жанровую природу которого часто характеризуют как «художественные мемуары», содержит рассказы о судьбах реальных заключенных, которых писатель встречал на каторге. В то же время это художественное произведение, важнейшая философская проблематика которого задана в развернутых метафорах Мертвого дома и воскресения.

Тексты З. Прилепина и Ф.М. Достоевского рифмуются на нескольких уровнях, представление о которых дает приведенная ниже таблица.

Критерии сопоставления	Ф.М. Достоевский «Записки из Мертвого дома»	З. Прилепин «Обитель»
Место событий	Сибирь, Омский острог, городок К., 50-е годы XIX века	СЛОН (Соловецкие лагеря особого назначения), 20-е годы XX века
Герой	Александр Петрович Горянчиков, дворянин, ссыльнокаторжный на поселении, отказался от общения с семьей	Артем Горяинов, недоучившийся студент, 27 лет, отказался от общения с матерью
Преступление	Убийство жены – уголовное	Убийство отца – уголовное
Окружение	Театр, оркестр, добрый доктор, тараканы, вши, каторжные животные, «бесполезная жестокость», воровство, предательство, многонациональность, церковь, Библия	Театр, оркестр, добрый доктор, научно-исследовательская, широкая хозяйственная деятельность, школа, тараканы, вши, каторжные животные, «бесполезная жестокость», воровство, предательство, многонациональность, храм, Библия

Мы не ставили задачу описать лагерные ужасы, о них сказано еще Ф.М. Достоевским: «Весь этот народ работал из-под палки, – следственно, он был праздный, следственно, развращался: если и не был прежде развращен, то в каторге развращался. Все они собрались сюда не своей волей; все они были друг другу чужие» [Достоевский 2013: 19]. Любая каторга, что царская, что советская, в любом государстве – это не место для благоденствия. И Ф.М. Достоевский, и З. Прилепин уходят от оценки существующего строя при описании жизни каторжан. Нам тоже показалось интересным рассмотреть черты человека вне политических,

идейных пристрастий.

Федор Михайлович Достоевский в середине «преступного и постыдного» XIX века писал: «Я – дитя века, его неверия и сомнения. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем больше во мне доводов противных» [Достоевский 1996: 96]. Русский человек «отчаянно тоскует», желая обрести душевный покой, ему важно обрести хоть какую-то веру. Вопрос, во имя чего все, – это вопрос, требующий для него немедленного решения. В.В. Розанов, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, писал: «Удивительно: в эпоху совершенно безрелигиозную, в эпоху, существенным образом разлагающуюся, хаотически смешивающуюся, – создается ряд произведений, образующих в целом что-то напоминающее религиозную эпопею, однако со всеми чертами кощунства и хаоса своего времени» [Розанов: электрон. ресурс]. Пожалуй, эти слова применимы и к роману З. Прилепина, что позволяет и в этом тексте обнаружить «русскую душу» со всем характерным для нее комплексом умонастроений.

Одним из принципиальных эпизодов, позволяющих приблизиться к пониманию особенностей «русской души», является финал романа З. Прилепина – расстрел, когда строй в оцепенении ждет, на кого падет жребий «десятого»:

«Артем поднял глаза и посмотрел на Галю.

Галя глядела вокруг словно незрячая, ...совсем одна, как на льдине...

– Иди на мое место. Слышь? Останешься живым, – вдруг велел Артем Захару...

Он вышел вперед.

Галя дрогнула и прозрела: увидела его...

Артем улыбнулся Гале» [Прилепин 2014: 694].

Автор предельно кратко, как-то даже протокольно и почти без эмоций описывает эту сцену, отдавая ее на откуп воображению читателя. И мы видим, как сломленный, казалось бы, ставший незаметным, безликим, переселившимся на «средние» нары, «обезличностный» герой вновь становится Человеком: он понимает, что эта женщина ему дорога, что главное – оставаться Человеком, что единственное, что сейчас может спасти Галю, да и Россию – человечность, слияние душ. Может, мы очень смело предположили, что эпитет «незрячая» и метафора «прозрела» относятся к душе, но контекст, эмоциональный настрой финала романа и история России позволяют сказать, что именно духовность спасает русского человека от обывательства, придает ему силы противостоять смерти во всех испытаниях.

Артему пробуждение души дается очень трудно. Писатель постоянно ставит своего героя перед выбором. Например, еще в начале мытарств Артем «если что и боялся потерять, так это присланную матерью

домашнюю подушечку – отчего-то она была ему дорога: он даже и не клал ее под голову, а куда-то спрятал под сердце и так спал на ней; да и то не всегда» [Прилепин 2014: 234], а уже после возвращения из побега он «почувствовал к этой подушке что-то человеческое, проколовшее сердце, – и вскоре выгодно обменял ее» [Прилепин 2014: 689]. Почему? Чтобы вытравить из себя все человеческое. Чтобы стать существом без души, без сердца, раствориться в лагерной жизни и досуществовать до окончания срока.

Точно так же герой Достоевского в своих записках напоминает себе: «...живого человека нельзя сделать трупом: он останется с чувствами, с жаждой мщения, с страстями...» [Достоевский 2013: 69], он уверен, что в любом человеке должно пробудиться «тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе...» [Достоевский 2013: 106], что «...никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек» [Достоевский 2013: 146]. Какими бы ужасными, запредельно жестокими ни были условия физического, внешнего существования, убеждает Достоевский, внутренняя свобода, духовная, которую нельзя отобрать у человека, позволяет выжить в любых условиях. Ведь внешняя свобода – всего лишь атрибут перемещений, с которым смириться можно. Если же нет внутренней свободы – нет личности. Именно она позволяет человеку чувствовать себя частью человеческого рода, ощущать «рифмованность» мира, позволяет войти в человеческое сообщество и обрести веру, дающую силы жить.

Александр Петрович Горянчиков, бывший дворянин, оказавшись в Мертвом доме, уверен: «Примириться с этой жизнью было невозможно, но признать ее за свершившийся факт давно пора было» [Достоевский 2013: 124], – и именно это примирение, смирение помогло ему дождаться свободы, причем он даже видит в своем положении важный момент воспитания души: «Да, в этом месте можно было научиться терпению» [Достоевский 2013: 13], хотя «нужно много равнодушия, чтобы к этому привыкнуть» [Достоевский 2013: 48].

Герои «Обители», казалось бы, похожи на героев А. Солженицына, пытающихся выжить любой ценой. Но нет. Шухов любой ценой – унижаясь, исхитряясь, – пытается спасти свое тело. Герой Солженицына – смирный, смилившийся. Герои Прилепина – смиренные, как Александр Петрович Горянчиков. Огромная разница. Вот Артем говорит: «Самое важное – не считать дни, а он перестал их считать на третьи сутки, приняв все, как есть. Осталось малое – дотерпеть, дожить...» [Прилепин 2014: 63]. «Все как есть»: совершил грех – нужно покаяться и принять наказание, принять, а не исхитриться избежать или уменьшить его. И Артем не одинок в этом смирении:

Сивцев: «За свой грех не всякий раз накажут, можно и за чужой

пострадать, видать, очередь дошла!» [Прилепин 2014: 487].

Отец Иоанн: «Я сам, – признавался владычка, – воспринял Соловки как суровую школу добродетелей – терпения, трудолюбия, воздержания» [Прилепин 2014: 520].

Именно поэтому Артем получает право быть великодушным: «Рыжего? За что? За то, что он святцы мне подкинул? Да я его сразу простил... А за что еще, Господи?.. Господи, ты есть?» [Прилепин 2014: 535] – он способен оценить свой поступок, осознать его и свободно принять наказание как данное.

Стоит отметить, что образ отца Иоанна является важным в романе – это олицетворение смиренной духовности, веры. Не зря Прилепин, описывая его, пользуется такими эпитетами, как «ласковый», «нежный», сам герой обращается к людям «милый», что говорит о его духовной чистоте: «Как твое здоровье, *милый?* – спросил владычка *просто и ласково...*» [Прилепин 2014: 144].

Александр Петрович Горянчиков тоже отмечает подобное христианское смирение у каторжан: «...тот передавал все услышанное им об арестантах майору. У нас все это знали, и никто никогда даже и не вздумал наказать или хотя бы укорить негодяя» [Достоевский 2013: 56].

Героев Достоевского и Прилепина сближает и еще одна черта. Никто, кроме нас, не вынесет нам более сурового приговора, чем мы сами: Артем отказывает себе в общении с матерью (а как при этом дорога ему переданная ею подушка!), сам себя отрезая от нее; Александр Петрович Горянчиков тоже наказывает себя: все самое родное, бывшее целью и смыслом жизни, отторгается им самим; и если Артем просто не успевает выйти на свободу, то Горянчиков и после освобождения из острога, будучи поселенцем, продолжает казнить совершенным убийством. И Прилепин в Послесловии к роману признает за людьми это право на собственную казнь, на *самоубийство*:

«Мы наказываем себя очень скоро и собственными руками...

Русскому человеку себя не жалко: это его главная черта.

В России все Господне попущение. Ему здесь нечем заняться.

Едва Он, утомленный и яростный, карающую руку вознеся, обернется к нам, вдруг сразу видит: а вот мы сами уже, мы сами – ребра наружу, кишки навывпуск, открытый перелом уральского хребта, голова раздавлена...

“Не юродствуй хотя бы, ты, русский человек”.

Нет, слышишь, я не юродствую, нет. Я пою!» [Прилепин 2014: 704].

И мы, действительно, не рисуемся этим, а вполне искренне считаем, что человек сам в ответе за все, что происходит, и главный судья над человеком – он сам. Может, оттого мы так легкомысленно относимся к закону и законопослушанию: больше, чем он сам, человека никто не

накажет – уверен русский человек.

Список литературы

Быков Д. О новом романе Захара Прилепина [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ru_bykov.livejournal.com (дата обращения: 16.01.2016).

Голев М. «У нас власть не советская, у нас власть соловецкая» (специфика раскрытия лагерной темы в творчестве А. Солженицина и З. Прилепина) [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://ru_zaharprilepin.ru (дата обращения: 12.01.2016).

Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. – СПб. : Азбука, 2013. – 384 с.

Достоевский Ф.М. Н.Д. Фонвизиной // Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 15 т. – Т. 15. – СПб., 1996. – С. 95–98.

Прилепин З. Обитель. – М. : АСТ, 2014. – 746 с.

Розанов В.В. О Достоевском [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/dost.html> (дата обращения: 11.01.2016).

HEROES WITH A “RUSSIAN SOUL” IN NOVELS BY Z. PRILEPIN “ABODE” AND F.M. DOSTOEVSKY “THE HOUSE OF THE DEAD”

The Article is devoted to the comparison of novels by Z. Prilepin «Abode» and F.M. Dostoevsky «The house of the Dead». The author reveals parallels between texts and dwells on the review of the protagonists. The main character traits reflecting the mentality of Russians are identified and researched that allows to define A.P. Gorjanchikov and Artem Goryainov as heroes with a “Russian soul”.

Keywords: comparison, protagonist, episode, image, “Russian soul”.

УДК 82.09

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕТРАЛОГИЯ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ

А.О. Фомиченко

*Научный руководитель: Л.В. Жаравина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

В статье рассматривается автобиографическая тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» в контексте прозы русской эмиграции, а также в соотнесении с литературным процессом эпохи Русского зарубежья. В результате выявлены индивидуальные авторские элементы жанра автобиографии на фоне истории литературной прозы начала XX столетия. Определена важнейшая временная составляющая текста. Сделан вывод о том, что Б.К. Зайцев создал художественный текст-метафору, в котором определенный факт облекается в символ для решения важнейшей авторской сверхзадачи – сохранения собственной национально-культурной идентичности на фоне эпохи прошлого.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев; автобиографическая тетралогия; автобиографизм; эмиграция; Русское зарубежье; эмигрантская проза.

Проза писателей-эмигрантов и ее становление, по мнению большинства исследователей (В.В. Агеносов, П.В. Басинский,